

Путрова Мария Дмитриевна
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
e-mail: m.poutrova@psu.by

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОСЛОВИЦАХ С РЕФЕРЕНЦИЯМИ К ПРИРОДЕ

Аннотация. Референции к явлениям природы прослеживаются в значительном количестве пословиц, активизированных в свободном говорении в белорусской, русской, английской и американской культурах. Их общими чертами являются показатели частотности употребления, независимой от культурной и гендерной идентичности говорящего субъекта, отсутствие коннотаций сексизма в семантике, акцентуация значимости труда.

Зафиксированы особенности паремий, характерные только для одной культуры, а также объединяющие две или три из них. Значимы для конструирования языковой личности, её мировидения, понимания культуры и диалога с её представителями.

Ключевые слова: общая, гендерно нейтральная, частотность, труд, несексистскость, культурная специфика, мировидение, диалог, понимание.

Maria Poutrova
Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk
e-mail: m.poutrova@psu.by

SPEAKING AND WRITING SUBJECTS IN PROVERBS REFERRING TO NATURE

Abstract. References to nature are characteristic of a considerable number of proverbs registered in authentic talking in Belarusian, Russian, American and English cultures. Their features in common in all the cultures are frequency of occurrence, which is Gender irrelevant, non-sexist character and appreciation of work.

There are also characteristics specific for one, two or three cultures. All of them are significant for constructing writing and speaking subjects identities in their cultures, their world view as well as for helping outsiders understand their cultures and communicate with their representatives.

Keywords: frequency, Gender irrelevant, work, non-sexism, world view, understanding, communication, cultural specialty.

Вторая половина XX века ознаменовалась сменой научной парадигмы в лингвистике, поставившей человека говорящего, пишущего, читающего, слушающего в центр своих исследовательских интересов.

Признание языкового субъекта, человека той величиной, которая определяет науку о языке, произошло благодаря усилиям многих поколений лингвистов, начиная с В. Гумбольдта. Однако путь к осознанию необходимости антропоцентрических подходов был весьма долгим и сложным. Одним из первых, кто выступил против описания языка, основывающихся только на инвариантах, особенностях языковой системы и взаимоотношениях между её составляющими, был Р. Jakobson, который на примере глубокого анализа поэтических текстов убедительно показал необходимость учета ряда значимых переменных для действительно полноценного изучения языка как средства, осуществляющего обеспечение информационного взаимодействия в обществе. Две из отмеченных им переменных соотносятся с человеком и его ролью, представляя его под наименованиями *адресат* и *адресант* [14, с. 66], которые и теперь остаются широко используемыми терминологическими обозначениями языковой личности в самых разнообразных исследованиях языка.

Наименования *автор* и *адресат* были её обозначениями в фундаментальном труде французского ученого Э. Бенвениста, который одну из частей своего труда так и назвал «Человек в языке» [1, с. 66]. Его концепция субъективности в языке, по справедливому замечанию современных исследователей, до сих пор остается одной из главных идей современной лингвистики [10, с. 69]. Под субъективностью у Э. Бенвениста понимается «способность говорящего представлять себя в качестве субъекта, ибо только язык придает реальность, **свою** (выделено нами здесь и далее) реальность, реальность, которая есть свойство **быть**». Но «осознание **себя** возможно только в противопоставлении к кому-то еще, кто в моем обращении предстанет как **ты**. Язык» (и коммуникация, заметим мы) возможны «только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта» [1, с. 294]. Э. Бенвенист, таким образом, сделал решительный шаг от лингвистики, ориентированной на систему к лингвистике антропоцентрической, обращенной к человеку. Само же первое употребление наименования языковая личность принято связывать с именем немецкого исследователя Лео Вайсгербера, немецкого исследователя, который заметил, что язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря собственной языковой личности, наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу [4, с. 81].

В русскоязычном языкознании Г. И. Богин одним из первых дал определение понятию языковой личности [2, с. 10], но наиболее полно его интерпретация представлена в работах Ю. Н. Караулова, который определил ее как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)», которые различаются:

а) степени структурно-языковой сложности,

б) глубиной и точностью отражения действительности,

в) определенной целевой направленностью [8, с. 3–8].

Согласно Ю. Н. Караулову, структура языковой личности состоит из следующих уровней:

1. Вербально-семантического, предполагающего для носителя языка владение его нормами.

2. Когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее систематическую языковую картину мира, отражающую иерархию её ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и её анализа предполагает расширение значения и переход к знанию, то есть схватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через принципы говорения и понимания к знанию, сознанию, процессам познания.

3. Прагматический уровень, который включает цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности языковой личности. «Этот уровень обеспечивает переход от оценок её речевой деятельности к осмыслению речевой действительности в мире» [8, с. 39–42].

В. И. Карасик, утверждает значимость следующих аспектов языковой личности: познавательного, ценностного и поведенческого, которые действуют на основе принципа взаимодополнения, а не иерархии [7, с. 19], что отличает модель В. И. Карасика от модели Ю. Караулова.

Понимание ценностных, познавательных и поведенческих предпочтений личностей, участвующих в коммуникативном процессе, межкультурном в том числе, архиважно. Трудности, как справедливо отмечает С. Г. Тер-Минасова, могут начаться сразу же, с первых минут интеракции. В межкультурном общении с помощью письменных или печатных медиа такой трудностью может быть даже представление себя пишущим субъектом с помощью соответствующего личного местоимения. «Маленький, но весьма показательный факт: в английском языке личное местоимение I всегда пишется с большой буквы. Может ли русскоязычный человек представить себе, что Я всегда пишется так, как I? Да никогда! Это было бы так нескромно, неприлично, странно, противно и менталитету, и характеру – выпячивание себя. В русском языке с большой буквы пишется местоимение Вы, когда оно употребляется в единственном числе, то есть относится к одному человеку. Таким образом подчеркивается особо вежливое и почтительное отношение к другому человеку – не к себе любимому, а к другому, уважаемому. Не ты, а Вы, да еще с большой буквы – двойная уважительность» [12, с. 15].

Приходится согласиться, что при такой интерпретации письменного образа местоимения «я» в английском языке трудности в межкультурной коммуникации действительно могут возникнуть. Гораздо более продуктивным будет широко

практикуемый в структуралистских теориях подход, основывающийся на произвольном, немотивированном характере языковых знаков. С ними предлагается ознакомиться и их взаимоотношения тщательно изучить [11, с. 100].

Об этом же, по сути, говорит народная мудрость в своих паремиях:

- *В чужой монастырь со своим уставом не ходят.*
- *When in Rome, do as the Romans do.*

Теория межкультурной коммуникации предлагает, вместо оценивания коммуникативных событий по своим меркам и в соответствии со своим уставом, попытаться внимательно познакомиться с более менее типичной, характерной разновидностью языковой личности в изучаемой культуре, ее особенностями интерпретации мира, означивания, способами языковой манифестации идей и, не превращаясь в римлян, оставаясь самими собой, с уважением вести диалог, находить общее, опираться на него, понимать сущность различий, отстаивая свои интересы, если понадобится.

У нас, как языковых личностей, есть много общего. Прежде всего язык, в котором отражено наше мировидение, наше понимание того семантического пространства, каковым для каждого из нас предстает реальность вокруг нас. Мы, как личность как раз и представляем собой именно то, кем мы стали, осваивая свой язык и, одновременно, с его помощью, мир вокруг нас.

Изучая иностранный язык, рекомендовал настоятельно В. Гумбольдт, нужно вместе с усвоением языковых структур освоить именно новое мировидение. Вербальное поведение языковой личности, отсылает не только к тем прототипическим смыслам, которые лежат в основе ее высказываний, но и к системе ценностей, пониманию мира, которые ее питают. Хотя и прототипические смыслы могут быть тоже культурно-специфическими.

Главная задача хорошо уяснить себе важнейшие особенности восприятия мира, характерные для другой культуры и неизбежно так или иначе проявляющиеся в вербальном поведении типичной для нее языковой личности. Современное языкознание, особенно такие его составляющие как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концептология, гендерная лингвистика, социолингвистика, прагматика, лингвогерменевтика уже имеют значительное количество данных для достаточно глубокого описания дистинктивных признаков, лежащих в основе мироощущения и соответствующего ему вербального поведения в целом ряде культур.

Весьма полезно ознакомиться с перечнем ключевых концептов или слов, в терминологии А. Вежбицкой. Так, согласно ее точке зрения, фундаментальными или ключевыми для русской культуры являются всего три таких слова: судьба, тоска, воля [5]. Для англосаксонской роль ключевых играют другие концепты: understatement, privacy, stiff upper lip, commitment, challenge [6, с. 42].

Заслуживают внимания теория вежливости, подробно излагаемая в курсе коммуникативной лингвистики и / или прагматики, особенности языковой репрезентации гендерной идентичности в изучаемой культуре. На наш взгляд, полезную информацию представляют также так называемые паремические высказывания или пословицы и поговорки. Ведь что такое пословицы? По сути, не что иное, как речевые действия, когда-то сконструированные носителями языка в конкретных эпизодах общения и одобренные членами языкового сообщества в такой степени, что стали употребляться другими его представителями в максимально приближающемся к понравившемуся высказыванию-эталону виде во многих других, приемлемых, с точки зрения коммуникантов, ситуациях. Они начинают использоваться для построения их собственных речевых произведений и в итоге становятся репрезентантами определенных фрагментов языковой картины мира не отдельных языковых личностей, а определенной их группы или всего этноса в целом, приобретают статус паремий, готовых единиц общения, а не их конституэнтов – слов. Такие высказывания начинают весьма характерно представлять культуру, видение мира всего языкового сообщества. В языке хранится огромное количество разнообразных единиц, которые говорящие, пишущие или читающие личности, используют для построения и интерпретации бесконечного количества разнообразных суждений, сообщений, текстов. Одной из разновидностей таких единиц, наряду со многими другими, являются паремии, имеющие в своей структуре референции к природе, например:

- *У зімы рот вялізны.*
- *Love me, love my dog.*
- *Волков бояться, в лес не ходить.*

Безусловно, их можно изучать, выбирая из огромного перечня паремий, включенных в состав соответствующих словарей. Последние, кстати, имеются в распоряжении представителей каждой из сопоставляемых культур. Анализ подлинного говорения показывает, однако, что далеко не все меткие высказывания, полностью соответствующие статусу паремий и обнаруживаемые в свободном говорении, можно найти в словарях, базирующихся, главным образом, на текстах из литературных или хотя бы письменных источников. Кроме того, словари пословиц и поговорок включают самые разнообразные по семантике высказывания, положительные и негативные, сексистские и уважительные, оскорбительные и приличные, отражающие одобряемое и табуированное обществом поведение, вербальное в том числе. Они показывают паремический потенциал языка, его богатство, созданное языковыми личностями самого разного уровня этического развития и мировоззренческого потенциала.

Выбор, однако, также имеет значение. Наша гипотеза состоит в том, что анализ паремий, извлеченных не из соответствующих словарей, а из записей аутентичного говорения, позволит получить новые убедительные данные о языковых

личностях, представляющих сопоставляемые культуры, их ценностных представлениях, что поможет лучше проникнуть в сущность самих культур в целом и облегчит общение с их представителями именно на современном этапе развития сопоставляемых культур.

Материалом для исследования послужили только те паремические высказывания, которые были зафиксированы в наших записях подлинного говорения в четырех культурах – английской, американской, белорусской и русской.

Целесообразно отметить, что осуществленные нами записи подлинного говорения в четырёх отмеченных культурах делались для изучения особенностей вербального поведения в целом, и на этапе записей пословицы и поговорки вовсе не являлись специальной целью. Однако во всех массивах – русском, белорусском, английском, американском и в отдельном массиве реального массового языка Полотчины сегодня, представляющего собой скорее белорусский вариант русского языка, чем белорусский, – во всех данных массивах оказалось реализованным некоторое количество пословиц и поговорок, которые привлекли наше внимание. Каждый из массивов состоял из приблизительно 40 000 слов, что, по наш взгляд, является важной общей характеристикой анализируемого материала на каждом языке.

Результаты количественного анализа показывают, что, будучи характерными для всех сопоставляемых культур, пословицы и поговорки, тем не менее, имеют культурно специфическую частотность употребления. Так, в белорусском и русском материале они встречаются, в среднем, на 20 и 22,5% чаще, чем в английском. Показательно, что наши данные соответствуют выводам известного лингвиста Д. Кристела об относительно невысокой употребительности пословиц и поговорок в говорении современных жителей Великобритании [13, с. 53]. Частотность употребления, таким образом, правомерно считать культурно-специфическим фактом, во всяком случае, в отношении сопоставляемых культур. Но, как выяснилось, есть и общие для данных культур показатели употребительности пословиц и поговорок. Таковыми оказались сведения о встречаемости пословиц и поговорок, имеющих в своей вербальной структуре слова, обозначающие явления природы. Так, в говорении на белорусском языке их зарегистрировано 17 (9–8), белорусском русском 20 (9–11), русском 19 (10–9), английском 18 (9–9), американском 17 (8–9). Примечательно, что привлечение гендерного фактора к рассмотрению данных о встречаемости пословиц, также не позволяет говорить о некоторых приоритетах: во всех культурах не наблюдается гендерно-специфических показателей частотности паремических высказываний, относящихся к явлениям природы. Приведенные вместе с общими показателями частотности цифры в скобках убедительно говорят об этом (первыми указаны данные о встречаемости пословиц и поговорок в мужском говорении). Безусловно, полученные данные требуют

подтверждения на материале количественно гораздо более репрезентативных протоколов употребления. Тем не менее, так редко встречающаяся в исследованиях аутентичного говорения идентичность данных представляется заслуживающей внимания. Как в плане характеристики свободного говорения, так и описания его гендерно и культурно специфических вариантов. Последние, как мы видим, имеют и общие черты.

Принадлежность показателей употребительности пословиц и поговорок с референциями к природным явлениям к общим характеристикам видится не случайной. Одинаковая востребованность паремических высказываний о природе, интерпретирующих жизненные ситуации не только в четырех исследуемых культурах в целом, но и у представителей разной гендерной идентичности в данных культурах понимается нами как следствие известной истины, что человек часть природы. Она подтверждает, что он весьма длительное время считал себя таковым и в значительной мере, осмысливал и интерпретировал мир вокруг себя и действия, которые в нем происходили, сквозь призму явлений природы.

Представляется правомерным признать, что такое постоянство и такая общность, достаточно редкая в отношении особенностей реализации языковых единиц, весьма приятна. Как заметил Я. Брыль «прыемна ад гэтай агульнасці, ад моўных залацінак мудрасці і вобразнасці [3, с. 49]. От понимания того, что это общее может быть полезным основанием для конструктивных отношений между представителями сопоставляемых культур. Наше исследование позволяет расширить перечень общих для пословиц и поговорок черт, как правило, приводимых в пособиях и исследованиях паремических высказываний, добавив в него показатель частотности употребления тех из них, которые реферируют к природным явлениям.

Примечательно, что несмотря на краткость обсуждаемого перечня пословиц с референциями к явлениям природы, в нем встречаются семантически перекликающиеся и даже весьма близкие по семантике паремические высказывания как внутри списка пословиц одной культуры, так и, чаще, разных культур. Например: *Якое карэнне, такое і насенне (бел.)* и *Яблоко от яблони недалеко падает (рус.)*.

Вместе с тем все подборки имеют свою специфику. Те из них, которые были актуализированы на Полотчине, говорят о значимости определенных нравственных принципов в жизни человека, необходимости их придерживаться несмотря ни на что (*Не чакай падзякі ад якойсці сабакі*). Напоминают о неминуемой расплате за отступления от предписываемых норм (*цягаў воўк, цягаў, пацягнуць і воўка*). Подчеркивается необходимость упорного труда невзирая на его кажущуюся сложность и громадность (*Мурашка малая, ды горы капае*) и возможную скромную отдачу (*Руплівіцы Ганцы, як той пчолцы, жыццё мёдам не падаецца*). Подчеркивается, что требование выполнения трудовых обязанностей не может быть отклонено ни при каких обстоятельствах (*Памірай-не памірай, а бульбу капай*). Или:

Якое ні гора, а бульбу абірай. Любопытно, что словари обычно приводят другую поговорку с аналогичным смыслом: *Памірай, а жыта сей.* Она также встречается в наблюдениях и в записях как на русском белорусском, так и белорусском (в наблюдениях), однако референции к бульбе гораздо более частотны в современной Полотчине и зарегистрированы 2 раза непосредственно только в записях белорусского говорения и 3 в наблюдениях.

Семантика других половиц из Полоцкого перечня сводима к следующим постулатам:

– и один человек значим, и один может навредить (*Праз аднаго барана ўвесь статак наганы*);

– важны корни, принадлежность к группе, роду в оценке человека (*Якое каренне, такое і насенне*);

– отмечается высочайшая ценность матери (*Без маці няма сонца у хаце*);

– напоминает, что в определенные периоды нужно примириться и с малым (*У бязрыб'е і рак рыба*);

– постулируется значимость отношений и роли уступки в их развитии (*Няхай з рыбы будзе рак, калі жонка кажа так*);

– напоминает, что выход всегда есть (*Няма ракі без паваротаў*);

– что нужно быть запасливым (*У зімы рот вялізны*);

– подчёркивается необходимость концентрации усилий на чем-то одном (*За дзвумя зайцамі...*);

– в минуту чужого окружения в качестве спасительной стратегии видится также уступка (*З ваўкамі жыць, па воўчы выць*).

Представленные поговорки, как видим, весьма разнообразны по своей тематике, однако, на наш взгляд, их можно обобщить с помощью одного, достаточно употребительного паремического высказывания «*Перажывем!*» его варианта «*Жылі і жыць будзем*» или «*Перамаўчым!*», «*Перабудзем*» и «*Як небудзь*». Представляется, в этом базовом, прототипическом смысле поговорок, актуализованных в говорении на белорусском языке сегодня, прослеживается важнейшая культурная специфика языковой картины мира, создаваемая белорусско-говорящими жителями на протяжении долгих столетий.

Пословицы, реализованные в русской культуре, имеют много общего по своей семантике с белорусскими, но есть и отличия:

– значимость быть смелым (*Волков бояться, в лес не ходить*);

– поиск или констатация причины всего (*Дыма без огня не бывает*); осуждение разлада (*Кто в лес, кто по дрова*);

– предупреждение о важности своевременности всего (*Рано пташечка запела...*);

– невозможность нормальных отношений с теми, кто не соответствует одобряемому поведению (*Сколько волка не корми...*);

– при всём подчеркивании важности труда (*Без труда не выловить и рыбку из пруда*) допускаются и отступления (*Работа не волк...*).

Общую семантическую равнодействующую всех зарегистрированных нами пословиц в русском языковом сообществе, в том числе и тех, которые отсылают к явлениям природы, правомерно представить в виде достаточно частотных высказываний «Прорвемся», «Пробьемся» или, реже, «Авось».

Британская и американская подборки, несмотря на многие общие характеристики, еще более четко отличаются от Полоцкой. Общий смысл актуализированных на британском английском языке пословиц можно представить в виде встречающихся в наших записях и наблюдениях высказываний *Life is unfair* (жизнь несправедлива, но сохраняй спокойствие), (*Cool off! Calm down! Take your time*), организуй свое время и свой потенциал и достигай намеченной цели. Хороший менеджмент усилий и собственных возможностей позволит «убить двух птиц одним камнем» (*Kill two birds with one stone*), что, как видим, отличается от совета не гнаться за двумя зайцами. Нацеленность на успех еще больше прослеживается в общей семантике американской подборки. Активность, энергия, победа, достижение личных целей, успех – главное. Значимость труда подается в аспекте активного, преобразующего начала, человек должен быть действенной силой. *If the mountain will not come to Mohamed* (если гора не идет к Магомеду...) – известная во всех сопоставляемых культурах пословица, в целом, одобряемая в каждой из них, но в наших записях она встречается только в американской подборке. В британской, как уже отмечалось, другой подход: *You can take a horse to the water, but you can't make it drink*. Кроме того, помимо наших записей, пословица о Магомете зафиксирована в наблюдениях за говорением в американском языковом сообществе и даже в выступлениях политических лидеров страны. Американские пословицы весьма эксплицитно требуют активности и лидерства (*A rising tide lifts all boats*. Расширяющийся прилив поднимает все лодки), это благо для всех.

Гендерный аспект при первом приближении не представляется перспективным в плане выявления специфики употребления пословиц. Больше прослеживается общее: практически идентичные показатели употребительности, соответствие семантики пословиц с референциями к явлениям природы тем прототипическим смыслам, которые были установлены для каждой культуры независимо от гендерной идентичности говорящих. Кроме того, весьма популярный в гендерных исследованиях поиск сексистских коннотаций и форм оказался не актуальным для нашего материала, ибо в наших подборках пословиц с референциями к природным явлениям, по нашему разумению, таковых не прослеживается. Что представляется весьма симптоматичным. Ибо сексизм коренится в мировоззрении говорящего субъекта, и когда он от него освобождается, то в его говорении употребляемые им формы перестают нести сексистские коннотации или же он не употребляет гендерно-дерогативные единицы вовсе.

Вместе с тем в нашей подборке оказалась пословица, которую, как правило, считают сексистской: *Няхай з рыбы будзе рак, калі жонка кажа так*. Обычно данная пословица приводится как пример сексистской сущности целого ряда единиц белорусского языка [9]. Между тем, сексистский характер данной пословицы даже при самом поверхностном рассмотрении, весьма проблематичен. Так, слово «жонка», главный аргумент в доказательстве сексизма, вовсе не сексистское, derogативное наименование, а именно обычное обозначение жены в белорусской культуре. Другое дело, что оно требует говорения именно на белорусском языке и действительно может восприниматься как единица сниженной лексики в русскоязычном контексте. Что вполне соответствует учению Ф. Соссюра о лингвистическом аспекте значения слова, которое складывается из всей совокупности его отношений с другими словами того языка, к которому оно принадлежит и определяется местом, занимаемым им в системе своего языка. Обсуждаемый аспект значения слова назван Соссюром его значимостью [11, с. 38]. Значимость белорусского слова «жонка» такова, что для полноценного своего функционирования оно требует совершенно конкретного языкового окружения. Пренебрежение данной особенностью, возможно, и привело исследователей к очевидно неверному истолкованию смысла пословицы, весьма эксплицитно утверждающей приоритет сохранения отношений и значимости уступки вовсе не унижая женщину, а наоборот, заявляя, что именно ее мнение является достаточным основанием для совершения уступки. Все зарегистрированные нами контексты употребления данной пословицы говорят именно об этом.

Мать в анализируемой подборке оказалась удостоенной самой высокой позиции по шкале значимости, приравнена к солнцу. Наблюдения показывают, что существуют и другие варианты данной пословицы, где вместо слова *солнце* используются другие номинации (*свет, доля, счастье и даже бог*) однако оценка значимости фигуры матери, а, значит, и женщины, от этого не меняется.

Суммируя представленные данные об отражении характеристик языковой личности в поговорках с референцией к природе в английской, американской, русской и белорусской культурах можно сделать следующие выводы:

1. Когнитивные аспекты функционирования личности достаточно ярко проявляются в языке и семантике поговорок, имеющих в своей вербальной структуре наименования природных явлений.

2. Обнаруживаются общие для поговорок всех сопоставляемых культур характеристики. Одной из самых заметных является одинаковая частотность употребления поговорок обсуждаемой разновидности во всех культурах даже с учетом гендерной идентичности говорящих субъектов, что особенно знаменательно, если учесть весьма отличающиеся показатели употребительности поговорок вообще, в целом.

Данная особенность говорит о том, что, интерпретируя реалии окружающего мира, языковые личности всех четырех культур в одинаковой мере опираются на свой опыт взаимодействия с природой.

1. Во всех культурах в реальном общении не зафиксированы сексистские мотивы в интерпретации действительности с помощью пословиц с референциями к природе.

2. Языковая личность во всех культурах ценит труд.

В русской придает значимость смелости.

В белорусской ценит уступку, хорошие отношения, бережливость.

В английской делает ставку на свои личные усилия, свою организованность, следование принятым обязательствам (*commitment*).

В американской – на энергию, активность, приводящую в движение всех и, главное, успех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Богин, Г. И. Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1980. – 61 с.
3. Брыль, Я. З людзьмі і сам – насам / Я. Брыль. – Мн. : Маст. літ-ра, 2003. – 333 с.
4. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
5. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : УРСС, 2001. – 204 с.
6. Джиоева, А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «privacy» / А. А. Джиоева // Вестник Московского университета. – № 1. – 2006. – С. 41–59.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : ВГУ, 2002. – 208 с.
8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
9. Лясовіч, С. М. Канцэпт «жанчына» ў беларускіх парэміях / С. М. Лясовіч // Гендер и проблемы коммуникативного поведения. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – С. 144–147.
10. Попова, Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е. А. Попова // Филологические науки. – № 3. – 2002. – С. 69–72.
11. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М. : Наука 1977. – С. 31–269.
12. Тер-Минасова, С. Г. Личность и коллектив в языке и культурах / С. Г. Тер-Минасова // Вестник Московского университета. – № 2. – 2003. – С. 7–16.
13. Crystal, D. The Cambridge encyclopedia of Language / D. Crystal. 2-nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 480 p.
14. Jakobson, R. The Linguistics and Poetics / R. Jakobson // Language in Literature. – Cambridge, Mass, London: Harvard University Press, 1987. – P. 62–63.